
ЮРИЙ ВЕРХОЛИН
ДВЕ КОРОЛЕВЫ

Юрий Верхолин
Две королевы

https://litres.ru/74760479
SelfPub; 2026

Аннотация

После приговора Алла Королёва оказывается в женской колонии. Разлука с двумя сыновьями становится для неё самым тяжёлым испытанием. Единственная возможность снова почувствовать себя нужной — работа в швейном цехе, где уже есть своя королева: талантливая мастерица Лейла, чьё первенство никто не оспаривает.

Однажды в цех приносят дорогое платье для переделки. Алла решается на неожиданный шаг: полностью меняет фасон и создаёт из старого наряда совершенно новый. Начальница восхищена результатом, но предупреждает: если заказчице не понравится платье, Аллу ждёт суровое наказание.

Обернётся ли этот риск признанием или разрушит всё, чего Алла успела добиться?

История о таланте, смелости и человеческом достоинстве даже в условиях несвободы.

Написано по мотивам романа Юрия Верхолина «Fashion — триллер о мести».

Содержание

Часть I. Приговор 5
Часть II. Дорога за решётку 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Юрий Верхолин
Две королевы

Рассказ написан по мотивам романа Юрия Верхолина «Fashion — триллер о мести».

Часть I. Приговор

Судья читала ровно и быстро, как читают списки, в которых уже никто не ждёт знакомой фамилии. Алла стояла у деревянного барьера и чувствовала ладонями его гладкость: тысячи рук прошли по этому дереву до неё и отполировали его до тусклого, усталого блеска. Она смотрела на барьер, потому что больше смотреть было некуда. На судью не получалось, а в зал она не оборачивалась с самого утра.

Слова доходили с запозданием, будто звук шёл по длинному коридору. «Признать виновной… назначить наказание…» Слух работал странно, с холодной выборочностью: он вылавливал «статью», «часть», «срок» и складывал их в мозаику без смысла. На левом манжете её блузки торчала нитка. Алла заметила её ещё утром, в тесной комнате с зарешечённым окном, и тогда подумала, что надо бы откусить, да нечем. Теперь пальцы сами тянулись к этой нитке, и она не позволила им, сжала барьер крепче.

Судья сделала паузу, перевернула лист, и мозаика сложилась.

— …к шести годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Шесть. Она готовилась к этому числу, как готовятся к холоду, надевая всё тёплое заранее, и всё равно оказалась раздетой. Не то чтобы стало страшно: страх был бы живым, го-

рячим, а это было другое. Кончики пальцев онемели. Колени сделались чужими, словно их одолжили на время и вот-вот потребуют назад. В ушах поднялся тонкий ровный звон, под которым голос судьи продолжал что-то читать про порядок обжалования, про десять суток.

В зале кто-то кашлянул. Мужа там не было, и пустое место на скамье для близких Алла старалась не видеть, как не смотрят на свежий шрам. Не было его и в той жизни, которая ещё вчера называлась домом. Квартира, где пахло её утюгом и распаренным сукном, где в углу у окна стоял её стол с раскроенными, так и не сшитыми чужими платьями, закрылась за ней навсегда, как закрывается крышка швейной машинки: мягко, без стука.

И тогда, сквозь звон, пришли мальчики.

Максим, который по утрам вечно не мог найти второй носок и злился на весь свет, пока она не доставала его из-под кровати. Михаил, который засыпал, только если в коридоре оставляли свет, и делал вид, что вовсе не боится темноты. Они ждали сейчас где-то за этими стенами, на жёстких стульях, рядом с чужой женщиной из опеки. Они ещё не знали числа. А она знала.

Шесть лет. Алла попробовала представить их, и воображение отказалось: оно рисовало только сегодняшних, с их макушками и вихрами. Но за шесть лет мальчики вырастут из каждой одёжки, которую она когда-либо им шила, их голоса изменятся, у них появятся тайны, которые они не при-

несут ей, потому что некому будет принести. Всё это произойдёт без неё, как бывает с домом, оставленным без хозяйки: непонятно когда, исподволь, и уже не вернуть.

Конвойный тронул её за локоть, осторожно, почти вежливо. Алла вдруг ясно поняла, что слышит собственное дыхание, что оно сбилось и стало поверхностным, как у человека, который плывёт против течения и уже не уверен в береге. Она кивнула, хотя её ни о чём не спрашивали. Барьер выпустил её ладони, и на дереве остались две бледные влажные тени.

Им разрешили проститься. Это слово — «разрешили» — застряло в Алле, как заноза: оказывается, и такие вещи теперь нужно было разрешать.

Комната была маленькой, с казённым столом и стульями, привинченными к полу, и пахла мокрыми пальто. Мальчиков привела женщина из опеки: тихая, в сером платке, с лицом человека, которому приходится делать это слишком часто. Она остановилась у двери и стала смотреть в стену, и за эту деликатность Алла была ей благодарна, как бывают благодарны за чужую варежку в мороз.

Максим вошёл первым и сразу замер, упрямо сжав губы, пытаясь быть старше своих лет. Он продержался ровно три шага. Потом лицо его сломалось, он бросился вперёд и ткнулся ей в плечо, и тело его, угловатое, горячее, затряслось беззвучно, по-мужски, без всхлипов. Михаил подбежал следом и вцепился в подол, в самую ткань, будто собирался

держать её этим подолом, как якорем, и плакал громко, взахлёб, по-детски, не стесняясь никого.

Алла опустилась на колени прямо на линолеум и обхватила обоих. Она гладила их по спинам, по затылкам, по мокрым щекам, не зная, куда девать руки, которым вдруг стало невыносимо мало места. От Максима пахло мылом и школьным коридором, от Михаила молоком и вчерашним сном. Она запоминала этот запах всем, что у неё было: кожей, горлом, грудной клеткой. Запоминала, как запоминают выкройку, которую нельзя будет потерять.

— Мама, а ты надолго? — спросил Михаил, икая. — Ты ведь не насовсем?

Максим дёрнулся, будто хотел одёрнуть брата, но промолчал: он тоже ждал ответа.

Алла взяла лицо Михаила в ладони. Одна пуговица на его курточке болталась на последней нитке. Она нашла её пальцами, и, пока говорила, сама не замечая, обмотала нитку вокруг ножки пуговицы, и пришила бы, будь у неё иголка, пришила бы всё, что только можно было пришить.

— Я вернусь, — сказала она. — Обязательно вернусь. Ждите.

Это прозвучало почти спокойно, и она сама удивилась тому, откуда в ней взялась эта ровность. Она повторила ещё раз, глядя уже на обоих: «Ждите», — и увидела, что Максим кивнул, неловко, по-взрослому, а Михаил уткнулся в неё снова, как слепой щенок.

Потом женщина в сером платке негромко откашлялась. Время вышло. Мальчиков пришлось разнимать с ней, и это было самым тяжёлым, тяжелее приговора: ощущать, как их пальцы, один за другим, отпускают её ткань. Дети уходили по коридору, и Михаил оборачивался на каждом шагу, а Максим не оборачивался совсем, только плечи у него стали очень прямыми. Дверь закрылась. Интернат, о котором говорили ещё утром, теперь был не словом, а адресом, куда они шли, держась за чужую руку.

Алла осталась стоять, всё ещё чувствуя на ладонях их тепло, которое уходило быстрее, чем она могла его удержать. В комнате было тихо. Скрипнул стул, звякнули чьи-то ключи в коридоре. И вот тогда, в этой маленькой, пахнущей мокрыми пальто тишине, она впервые по-настоящему ощутила одиночество. Не как отсутствие людей вокруг, а как отсутствие того единственного, ради чего у рук ещё была работа.

Руки. Она посмотрела на них: две ладони, привыкшие к ткани, к ножницам, к мелу, к стальному холодку напёрстка. Они лежали теперь пустыми, раскрытыми, будто ждали, что в них что-нибудь положат. И Алла впервые подумала: чем бы ни обернулись эти шесть лет, она должна найти, чем занять эти руки. Иначе от неё не останется ничего, что можно было бы вернуть детям.

Часть II. Дорога за решётку

Дорога началась с ожидания, и ожидание осталось её главным спутником. Ждали переклички, ждали машину, ждали, пока кто-то за закрытой дверью найдёт нужную бумагу и поставит нужную отметку. Время здесь не шло, а скапливалось, как вода в подвале, и в этой стоячей воде плавали чужие сумки, чужие вздохи и кашель.

В вагоне было тесно и душно. Узкий коридор, решётка вместо стены, полка, на которой женщины сидели плечом к плечу, и каждое колебание поезда передавалось всем разом, будто они были одним телом с несколькими головами. Охрана проходила мимо неспешно, не глядя: смотреть было незачем, всё уже давно было известно. Где-то смеялись — коротко, зло, чтобы не дать тишине сгуститься. Где-то тихо, одним носом, плакали. Кто-то рассказывал соседке про свою историю, и каждая новая подробность в этом рассказе звучала так, словно её уже много раз проверяли на прочность и подгоняли под размер.

Алла ни с кем не заговаривала. Она сидела у края, упёршись затылком в холодную перегородку, и смотрела в щель между досками, где проплывала чужая, ничейная земля: полосы снега, столбы, мокрые поля. Её окликнули раз или два — спросили, откуда она, за что, есть ли закурить. Она ответила, что не курит, и этого оказалось достаточно. Её оста-

вили в покое с той непринуждённой деликатностью, с какой оставляют в покое человека, у которого что-то случилось, даже если неизвестно что.

Она думала о мальчиках. О Максиме, который сейчас, должно быть, уже лежит на казённой кровати и смотрит в потолок, не позволяя себе даже шмыгнуть носом, чтобы не услышали. О Михаиле и о светлой полоске под дверью, которую в интернате, возможно, никто не догадается оставить. Эти мысли не приходили по порядку: они накатывали волнами, и между волнами, в коротких провалах, она вдруг оказывалась в своей квартире у окна, где свет ложился на раскроенную ткань, и это возвращение было так реально, что она чувствовала шершавость сукна под пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.